

Образование в России (допетровский период): опыт междисциплинарного анализа

Существовала ли в России в допетровский период система образования? Это сложный вопрос. Конечно, такой, как в современной ей Европе, системы образования мы не обнаружим. И все же в России в XI–XVII вв. был определенный способ передачи и воспроизводства знания¹. Это был так называемый «монастырский тип» образования, пришедший на Русь из Болгарии, где он сформировался в правление болгарского царя Симеона², мечтавшего о создании славянской цивилизации³. А.И.Осипов характеризует его так: «Древнерусское образование осуществлялось через проповедь, чтение Священного Писания, святоотеческой и житийной литературы, добровольное послушание найденному (если это удавалось после тщательных поисков и сравнений) духовнику (преподобный Нил Сорский, например, так и не нашел), личный пример и назидание наставника, то есть образование шло по пути убеждения и воспитания человека для свободного принятия им начал христианской веры и жизни»⁴. Фундаментом этой концепции было представление о том, что основой культуры является Слово, имеющее божественное происхождение. Это Слово, преподанное вторым Лицом св. Троицы Иисусом Христом, существует в двух видах: устном и письменном. Для его передачи нет необходимости в создании огромных научных центров, подобных средневековым школам и университетам. Это слово изучается вначале под надзором наставника, а позже при самостоятельном чтении или слушании Библии. Естественно, что при подобном типе образования

исчезает необходимость в изучении любых предметов, кроме грамоты. Знание языков тоже не становится обязательным, поскольку славянский язык трактуется как самодостаточный (в «Сказании о буквах» Черноризца Храбра сказано, что «славянские письмена святы и честны. Тем, что сотворил их святой муж, а греческие – эллины поганые»)⁵. Поэтому образованность заменяется грамотностью и изучением церковно-богослужебных книг: Псалтири, Евангелия, Апостола⁶. Школа должна была воспитывать учащегося в страхе Божьем и покорности, он должен был почитать старших и избегать греха⁷. И не удивительно, что основную часть образованных людей составляло черное и белое духовенство, а также знать⁸. Сейчас мы назвали бы такое образование «духовным». По всей видимости, оно было организовано по такой же схеме, как и старообрядческое образование в Выговской пустыни начала XVIII в., и включало две ступени⁹. Начальная – это обучение грамоте и церковному пению, главными учебными книгами были азбуки¹⁰, Псалтырь и Часовник. В.Л.Янин на основе исследования берестяных грамот сделал вывод, что «прежде всего учили азбуку и записывали ее в качестве упражнений. Одновременно ученики учились читать по складам, для чего делали многочисленные упражнения, записывая слоги и переписывая тексты из церковных книг. Предметом обучения были и некоторые стандартные формулы: начало письма, записи долгов, благопожелательные тексты, этикетные фразы и прочее. Только после овладения азбукой и письмом переходили к изучению цифровой и счетной систем»¹¹.

Вторая ступень служила для подготовки профессиональных писцов, книжников, священнослужителей и проч. Она включала изучение некоего комплекса литературы. При анализе тех источников, на которые чаще всего ссылаются русские книжники XVII в. и с которыми были знакомы практически все образованные люди того времени, получившие знания в России, следующие: «Азбуковник», «Поучения» аввы Дорофея, «О священстве» и «Беседы на послания апостола Павла» Иоанна Златоуста, «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, «Лествица» Иоанна Синайского, «Житие» и «Беседы» папы Григория Великого (Патерик Римский), «Пандекты» Никона Черногорца, «Хронограф Русский», издания Московского Печатного двора. О.С.Сапожникова отмечает, что «устремления и интересы, как и набор литературы, характерные,

казалось бы, для разных кругов московских книжников, радеющих о нравственности и благочестии в стране, были едиными во времена патриарха Иосифа. Этого единства не стало только с приходом к власти патриарха Никона»¹².

Эта система образования начала формироваться уже вскоре после крещения Руси. Естественно, что после объявления христианства государственной религией великий князь Владимир стал перед необходимостью формирования христианского сообщества. И одним из первых его шагов стало создание школ для детей «родовитых людей», где их обучали грамоте¹³. По всей видимости, эти школы не находились в ведении церкви, поскольку в Церковном уставе великого князя Владимира не упоминаются никакие церковные учебные заведения. Владимир создавал «своего рода элиту привилегированных распорядителей каналами письменной коммуникации» (С.Ю.Неклюдов). Как известно из «Повести временных лет», матери плакали по своим детям как по мертвым, когда их забирали в эти школы: «Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадь сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили верою, но акы по мертвеци плакахся»¹⁴. То же самое будет происходить и позже, когда государственные потребности будут вызывать необходимость перестройки русской культуры и на Руси не будет учреждений, удовлетворяющим этим потребностям: Борис Годунов и Петр Первый будут отправлять боярских детей в Германию, Англию и другие европейские страны, отрывая их от дома, от традиционной культуры.

Требование образованности, казалось бы, должно было быть нормой для клириков, но, судя по скудным свидетельствам, и духовенство зачастую было малограмотно. Архиепископ Новгородский Геннадий (XV в.) одним из первых заговорил о необходимости обучения грамоте священников. Описывая грустную картину тотальной безграмотности священства, он жаловался, что даже призванные для обучения духовные лица попросту сбегают, не выдерживая тяжести образовательного процесса: «Да бил есми челом Государю, Великому Князю, чтобы велел училища учинити; а ведь яз своему Государю вспоминаю на его же честь да и на спасение; а нам бы простор был... А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дати чести, и он не умеет ни ступити, а яз ему велю псалтырю дати и он и по тому одва бредет... Ино-де ведь то всю

землю изляял, что нет человека на земле кого-бы избрати на поповство <...> А яз того для бью челом Государю, чтоб велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословеньем то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, Государем нашим, а своим детем Великим Князем, печаловался, чтобы велели училища учинити. А мой совет о том, что учити во училище: первое азбука граница, истолкована совсем, да и подтительные слова, да псалтыря с следованием накрепко; и коли то изучат, может после этого проучивая и конархати и чести всякыя книги. А се мужики невежи учят робят да речи ему испортит <...> А чтобы и попов ставленных велел учити, занеже то нерадение в землю вошло; и только пошлышат что учащиися, и они с усердием примут учение. А ныне у меня побегали ставленники четыре: Максима, да Куземко, да Офонаско, да Омельяно мясник, а тот с неделю не поучився, ступил прочь с нимиж»¹⁵. Из этого текста мы видим, сколь скромную программу предлагал архиепископ для таких училищ: обучение грамоте, изучение Псалтыри и других богослужебных текстов, т. е. все ту же программу, предложенную Константином Костенечским в Болгарии XIV в. **Возможно, она должна была стать основой обучения священнослужителей в городских училищах, создание которых было запланировано в решениях Стоглавого собора.**

Итак, несмотря на наличие определенного слоя образованных людей, в России с созданием системы образования в XVI–XVII вв. дела обстояли не слишком хорошо, но в то же время в соседнем польско-литовском государстве, Речи Посполитой, благодаря деятельности Острожской Академии и православных церковных братств, начинается развитие системы восточнославянского образования с целью сохранения и развития самобытной славянской православной культуры¹⁶. Крупнейшими братскими школами были Львовская и Виленская, ставшие центрами антиуниатской и антикатолической полемики. В типографии Виленской школы были изданы почти все западнорусские антиуниатские трактаты конца XVI в. Школы, которые должны были соперничать с католическими образовательными учреждениями, давали возможность изучать философию, историю, теологию и, конечно же, грамматику, которая играла важную роль в образовании¹⁷. Церковнославянская грамматика стала особенно необходима в период контрреформации, после Брестской унии 1596 г., когда славянский язык был вы-

нужден вновь и вновь доказывать право на существование в качестве языка культуры¹⁸, в чем ему отказывали сторонники унии, в частности Петр Скарга. Он утверждал, что православные священники сами не знают церковнославянского языка и, для того чтобы понять написанное, отдают его для перевода на польский¹⁹. Поэтому тема просвещения человеческого разума стала центральной в главном произведении Лаврентия Зизания – «Грамматике» (1596 г., Вильно). Зизаний считал грамматику способом совершенствования человека, ключом, которым отворяются двери познания: «Ключ бо есть, отворяючи всем ум»²⁰. Он писал: «Не просто книжку называйте тую грамматику... А великого ся *розуму и расторопности з ней научайте*»²¹. Выдвижение на первый план разума и «расторопности», а не добродетелей и «тихого коснения»²² – это знамение новой эпохи господства рациональности и динамизма. Грамматика Зизания – первая фундаментальная церковнославянская грамматика и первое изложение антично-средневековой системы стихосложения на славянском языке²³.

Выход в свет этой книги ознаменовал новую эпоху в русской культуре. Ведь отношение к грамматике в ней было неоднозначным, начиная от «Послания Фоме» Климента Смолятича и до Епифания Премудрого, который писал в житии Стефана Пермского: «Аз... есмь умом груб, и словом невежа...не бывавшию ми во Афинех от уности, и не научихся у философов их ни плетения риторьска, ни ветиских глагол...»²⁴. Отрицание необходимости грамматического знания идет в русле традиции отрицания «внешней мудрости» и особенно усиливается в период никоновских реформ, когда старообрядцы противопоставляли древнее благочестие языческой мудрости – грамматическому знанию²⁵. И мысль о просвещении, о преображении человека через «внешнюю», грамматическую мудрость была созвучна идеям итальянских гуманистов, которые верили, что обновление человека начинается через обновление его речи. Эта возрожденческая идея духовного возвышения человека через совершенствование его речи отворяла дверь в новую эпоху.

Понятие «образованность» и тогда, и сейчас достаточно тесно связано с понятием «воспитанность». О том, как именно воспитывали детей в допетровском обществе, мы знаем совсем немного. Интересный материал можно получить из анализа правовых источников, а также исповедных чинов. Возможно, уже в XVI в.

появляются специальные детские исповедные чины, которые наверняка уже были в XVII в. Так, по единственному списку XVII в. известно «Поновление детем малым», где вводятся детские грехи: «лакомство», «обман родных» и непослушание²⁶, что говорит о том, что дети в этот период стали восприниматься так, как мы воспринимаем их сейчас, а не как в Средневековье, когда ребенка считали просто уменьшенной копией взрослого человека. В середине XVII в. появляется переводной трактат, специально посвященный теме воспитания, который так хорошо «прижился» в русской культуре, что его стали считать самобытным древнерусским произведением²⁷. Речь идет о трактате Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» («О воспитанности нравов детских»), в дословном русском переводе «Гражданство обычаев детских»²⁸. В отличие от аналогичных русских произведений, и в частности от трактата Ивана Хворостинина «О царствии небесном и о воспитании чад», большую часть которого занимают рассуждения о царствии небесном и компиляции из отцов церкви, «Гражданство» является практическим пособием, которое должно было помочь юноше правильно вести себя в обществе. Центральной морально-этической посылкой этого трактата является представление о том, что внешний вид человека – это проявление его внутренней сущности. Вот небольшой фрагмент из древнерусского перевода:

«15) В. Кому пристойть носомъ мизати (л. 64 об). О. Кошунникомъ, смешником, ругателемъ, а не дѣтищемъ благороднымъ.

16) В. Что достоить творити егда чхаше случитя. О. Отвратити тело, и уста крестомъ святымъ назнаменати благодарити поздравляющимъ: чхнешя произвольно не повторыти, ниже гласа того удержавати его же естество подаде (л. 65).

17) В. Каковы имуть быти ланиты или ягодицы. О. Не натирашемъ, ниже присъстроеными красками мазаны, но прирожденным и естественнымъ стыдомъ.

18) В. Подобаеть ли оубо от стыда лицемъ изменитися. О. Мерно и во время оустыдитися достоить, обаче не таковымъ стыдомъ»²⁹.

Впрочем, советы и там поясняются. Так, рассуждая о значении глаз, автор трактата объясняет их важность, «понеже сие нам древнии мудрецы тако предаша зане во очесех есть седалище

ума»³⁰. В статье о положении бровей явно чувствуется влияние физиогномической традиции: «Како убо бровем быти приличествует? Правым не повислым, не вынеслым, не спущенным над очи: гордости бо и превозношения в тех есть место». На вопрос, «пристойт ли убо носом сипети или храпети», «Гражданство» отвечает: «Никако же, занеже оно первое прилично есть роготрубящим и елефантом, второе же приличествует яростным»³¹. А на классический вопрос, «что достоит творити, егда чхание случит-ся», русский текст точно следует латинскому оригиналу: «Отврати тело, и уста крестомъ святымъ назнаменати, благодарити поздравляющимъ»³². Обсуждается там и важнейший для Средневековья, да и для Ренессанса вопрос об одежде («О одеянии»), и рассказывается о внешнем виде человека, о его осанке, внешности и одежде. Один из вопросов этой главы гласит: «Долженствует ли быти прилежное радение о красоте одежд?», на который переводчик трактата Епифаний Славинецкий вместе с Эразмом отвечает: «Долженствует, понеже риза яко второе тело человеческого телесе есть, от нея же мысль человеческая знаменатися может»³³.

Исследователи, и в частности Роже Шартъе³⁴, считают, что этому произведению Эразма Роттердамского Европа обязана появлением самого понятия «воспитанности». Можно предположить, что и в России, где это произведение пользовалось огромной популярностью и в XVIII в. «De civilitate morum» был вновь переведен в 1706 г. И.Г.Паузе под названием «Златая книжица о гоении нравов». А в 1717 г. вышло в свет первое издание знаменитого пособия для юношества «Юности честное зеркало», которое также во многом было создано на основе трактата Эразма. С помощью него в среде русской социальной элиты шел процесс усвоения западного поведенческого кодекса. В дальнейшем в России, как и на Западе, понятие «воспитанность» оказывается в центре конфликта между внешним поведением и внутренним состоянием. «Воспитанность» совсем необязательно соотносится с порядочностью, но при этом ее значимость все время возрастает, и в данное понятие входит представление об определенном круге чтения, о знакомстве с театральной, а позже с определенной кинематографической культурой и т. д.

Из этого краткого обзора становится ясно, что гуманитарные контакты между Россией и Западом были достаточно активными и в допетровскую эпоху, но они почти полностью осуществлялись в

области естествознания, медицины, этикета и проч. и практически не затрагивали гуманитарное знание, поскольку оно было тесно связано с религиозной сферой. Поэтому интеграция отечественного гуманитарного знания в европейскую систему стала возможна лишь благодаря мощному секуляризационному процессу, который начался в XVIII в., когда формирующаяся светская профессиональная культура была противопоставлена религиозному мистицизму и национальной архаике.

В правление царя Бориса Годунова правительство вело переговоры об отправке русских студентов на обучение в Польшу. В 1601–1603 гг. восемнадцать юношей было отправлено во Францию, Любек и Британию («в Лундун»): «Микифор Олферьев сын Григорьев. Да Софон Михайлов сын Кожухов, да Казарин Давыдов, да Федька Костомаров для отвоза в аглинскую землю для науки латынскому и аглинскому и иных разных немецких государств языков и грамоте»³⁵. Но Смутное время внесло свои коррективы, и большая часть студентов, уехавших в Германию и Францию, и все уехавшие в Британию не вернулись³⁶: «Подлинно ведомо, что те дети боярские Никифор Олферьев сын Григорьев, да Софонко Кожухов с товарищи четыре человека в аглинской земле задержаны неволюю, а Никифорко Олферьев и веры наша православыя отступил и несведомо по какой прелести в попы стал»³⁷. Интересно, что документ делает акцент на том, что студенты были отправлены на учебу «в неволю, а не для воли». Упомянутый в документе Никифорко Олферьев (Mikerpher Alphery) получил степень в Кембридже и впоследствии был ректором колледжа Woolley в Huntingdonshire с 1618³⁸.

Выше упоминались братские школы, в которых благодаря взаимодействию восточнохристианской и католической традиций возникает новый тип учебного заведения, основанного на принципе трехязычного обучения (греческий, латинский и национальный литературный языки). Такой школой была Киево-Могилянская коллегия, возникшая в 1632 г. в результате слияния Лаврской и Братской монастырской школ. Она оказала значительное влияние на русское богословие и отечественное духовное образование, особенно после присоединения Украины к России. В России первой такой школой стала Московская славяно-греко-латинская академия³⁹, которую после открытия в 1685 г. возглавили греки братья

Лихуды, получившие образование в Падуе⁴⁰. Создатели академии, задуманной еще в правление царя Федора Алексеевича, не дожившего до ее открытия три года, «руководствовались уставами западных университетов и академий»⁴¹. «Привилегия» (устав академии)⁴² начинается словами:

«Несть дано людемъ совершенно знати,
Кто отъ оныхъ суть духа благодати,
Обаче яко огнь явленъ бываетъ
Чрез знаменья, где ся обретаеть:
Тако Духъ Святой творить знаменья, <...>
Три благодати действием исполнять:
Умъ умудряеть, что есть благо знати;
Волю же движеть, благо желати;
А память нудить, еже свершити
Дело благое, дабы пользе быти»⁴³.

Анализируя не только текст «Привилегии», но и курсы академии, а также состав преподавателей, надо все же уточнить, что это не был светский университет, а высшее духовное учебное заведение, преподаватели которого являлись по преимуществу монашествующими. И в академии были заложены основы той системы духовного образования, которое продолжало развиваться в России в правление императора Петра Первого⁴⁴. «Духовный Регламент» предписывал в каждой епархии иметь семинарию, и только за два года, с 1721 по 1723 г., были открыты семинарии в Петербурге, Нижнем Новгороде, Харькове, Твери, Коломне, Казани, Холмогорах и Вятке. Традиции древнерусской образованности также не исчезли, они продолжали существовать в старообрядческой среде и в последующие столетия⁴⁵, что объясняется книгоцентричным характером старообрядческой культуры, бережно сохранявшей наследие древнерусской книжности.

Примечания

- ¹ См., например: Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1993.
- ² Bobcev S. Bulgaria under Tsar Simeon // The Slavonic and East European Review. Vol. 7. № 21 (Mar., 1929). P. 621–633.

- 3 *Kaimakamova M.* Turnovo – New Constantinople // *The Medieval Chronicle IV* / Ed. by Erik Kooper. Rodopi Amsterdam, 2006. P. 91–104.
- 4 *Осинов А.И.* Русское духовное образование // *Журнал Московской Патриархии*. 1998. № 3. С. 55.
- 5 Сказание Черноризца Храбра «О письменах» // *Флоря Б.Н.* Сказание о начале славянской письменности. СПб., 2000. С. 130–132.
- 6 Подробнее: *Кантлер П.Ф.* История русской педагогики. СПб., 2004.
- 7 *Sedlar J.W.* East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500. Univ. of Washington Press, 1994. P. 463.
- 8 См.: *Архангельский А.С.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883; *Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. СПб., 1874; *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894.
- 9 *Юхименко Е.М.* Система образования в Выговской поморской пустыни // Традиции духовного образования в старообрядчестве: история, современность, перспективы. Ржев, 2003. С. 10–18.
- 10 В коллекции новгородских берестяных свитков содержится несколько листов бересты с написанными на них полными азбуками XI–XIII вв., а также были обнаружены таблички с азбуками. См.: *Янин В.Л.* Культура Новгорода на общерусском фоне // *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 346–350.
- 11 *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 346–347.
- 12 *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. М., 2010. С. 454.
- 13 См. подробнее: *Кириллин В.М.* Русская образованность в X–XVII вв. // *Древняя Русь*. Вопросы медиевистики. 2009. № 2.
- 14 Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 53.
- 15 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. № 104. С. 146–148.
- 16 См. подробнее: *Медынский Е.Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954; *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 375.
- 17 См., например: *Woodward W.H.* Studies in education during the age of the Renaissance, 1400–1600. Cambridge Univ. Press, 1906. P. 82, 220–221; *Webb R.* Greek Grammatical Glosses and Scolia // *Medieval and Renaissance scholarship* / Ed.: В.М.Оlsen, N.Mann. Brill, 1996. P. 1–18.
- 18 Мысль о грамматике как основе славянского культурного единства окончательно оформилась в творчестве Юрия Крижанича, который создал «всеславянскую грамматику». Исправление «языка» и написание на нем книг он считал средством духовного преображения человека («людям умным очи открыть»). Подробнее: *Гольдберг А.Л.* «Идея славянского единства» у Юрия Крижанича // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 19. Л., 1963. С. 373–390.
- 19 См.: Русская историческая библиотека. Т. 7. СПб., 1882. Стб. 486.
- 20 Впрочем, из-за незнания тонкостей церковнославянской грамматики пострадал в свое время Максим Грек, который не различал глагольных форм, выражавших бытие и предбытие. Подробнее: *Матхузерева С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116–117.

- 21 Цит. по: *Итигина Л.А.* Белорусские старопечатные предисловия XVI – пер. пол. XVII в. (просветительские тенденции) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 34.
- 22 См. Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста *А.А.Зими́на, Я.С.Лурье*. М.–Л., 1959. С. 298.
- 23 См.: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент. и указатели *Е.А.Кузьминовой*; предисл. *Е.А.Кузьминовой* и *М.Л.Ремнёвой*. М., 2000.
- 24 Цит. по: Памятники старинной русской литературы, изд. Г.Кушелевым-Безбородко. Вып. IV. СПб., 1862. С. 119.
- 25 Подробнее: *Успенский Б.А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. / Отв. ред. *Б.А.Пиотровский*. М., 1988. С. 208–224.
- 26 Подробнее см.: *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912.
- 27 См.: *Алексеев М.П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // *Славянская филология*: Сб. ст.: IV Международный съезд славистов. М., 1958. Т. 1.
- 28 Опубликовано в издании: *Буш В.В.* Памятники старинного русского воспитания. (К истории древнерусской письменности и культуры). Пг., 1918. С. 33–57.
- 29 Там же. С. 35.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 См.: *Стаф И.К.* Печатный текст и народная культура: исследования Роже Шартье // *Arbog mundi*. 1992. № 1. С. 173–182.
- 35 *Арсеньев А.В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887. С. 9.
- 36 *Kopovalov S.* Anglo-Russian Relations, 1620–4 // *Oxford Slavonic Papers*. Vol. III. Oxford, 1953. P. 80.
- 37 *Арсеньев А.В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887. С. 20.
- 38 См.: *Biographia Britannica on the Lives of the Most Eminent Persons who have flourished in Great Britain and Ireland*. Vol. 1. L., 1747. P. 129; *Walker I.* An attempt towards recovering an account on the suffering of the clergy of the Church of England in the late times of the Great Rebellion. L., 1714. P. 183.
- 39 Об академии подробнее см.: *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855; *Родион (Ларионов)*. Славяно-греко-латинская академия в истории высшего образования России (1700–1775). Дис... канд. богословия. МДА, 2009.
- 40 См.: *Фонкич Б.Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 61–70; *Он же*. Из истории греческо-украинско-русских связей в первой половине XVII в. // *Византийский временник*. Т. 52. М., 1991. С. 141–147; *Он же*. К организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце

- 60-х гг. XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. II. М., 1998. С. 187–225; *Он же*. Греко-славянская школа на Московском печатном дворе в 80-х гг. XVII в. (Типографская школа) // Очерки феодальной России. Вып. III. М., 1999. С. 14 9–24 6; *Яламас Д.А.* Рукописные и документальные источники о жизни и деятельности братьев Лихудов (в печати); *Вознесенская И.А.* Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: Дис... канд. ист. наук. М., 2004.
- ⁴¹ *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 15.
- ⁴² Современные исследователи считают, что автором «Привилегии» был Симеон Полоцкий. См.: *Фонкич Б.Л.* «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 237–297.
- ⁴³ Вручение Благоверной и Христолюбивой великой Государыне, премудрой Царевне, милосердной Софии Алексеевне, привилегии на Академию в лето от создания мира 7193, а от воплощения Бога слова 1685, месяца Ианнуария в 21 день. Премудраго Царя Соломона о премудрости в книгах его вещания, между 1682 и 1685 годами // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. VII. СПб., 1788. С. 391.
- ⁴⁴ См.: *Bissonnette G.* Peter the Great and the Church as an educational institution // Essays in Russian and Soviet history: in honor of Geroid Tanquary Robinson / Ed. by J.Sh. Curtiss. Leiden, 1965. P. 3–19.
- ⁴⁵ См.: *Семибратов В.К.* Л.А.Гребнев – просветитель, типограф, книжник // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археологии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. Ярославль, 2005; Мир старообрядчества. Вып. 5; *Тимофеев В.В.* Старообрядческое просветительство: взаимовлияние предпринимательства и образования (на примере Казанской губернии) // Вестн. ЧГПУ им. И.Я.Яковлева. 2001. № 4(23).